

Я. Г. Солодкин

**ИЗВЕСТИЯ УСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЛЕТОПИСИ САВВЫ ЕСИПОВА
«О СИБИРИ И СИБИРСКОМ ВЗЯТИИ»***

Дьяк трех кряду тобольских архиепископов Савва Есипов, окончивший 1 сентября 1636 г. (по его собственному указанию) повесть «О Сибири и о сибирском взятии», кроме многочисленных литературных сочинений, обращался и к устной традиции, в частности, к рассказам очевидцев.¹ Об этом прямо говорится в начале и конце

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО — Югры № 17-11-86004.

¹ *Адрианов С. К.* вопросу о покорении Сибири // ЖМНП. 1893. № 4. Отд. 2. С. 536, 542, 545; *Бахрушин С.* 1) Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 20, 21; 2) Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 29. Ср.: С. 27; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 686; *Дергачева-Скоп Е.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 93; *Буганов В. И., Зимин А. А.* Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та. Вып. 50. 1967. С. 4; *Сергеев В. И.* У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 50–51, 59, 60; *Ромодановская Е. К.* 1) Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1971. С. 12, 13; 2) Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 56; 3) Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 114, 125, 278–281; *Скрынников Р. Г.* 1) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 32–33, 35–36, 54, 154, 225; 2) Ермак. М., 2008. С. 41; [*Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.*] Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 6; *Фролов Н. К.* 1) Сибирские летописи как исторический памятник русского ономастикона XVII века // Письменность и книгопечатание: Материалы научной конференции к 1100-летию славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 26; 2) У истоков русского духовного наследия в Сибири // Аспекты развития духовной культуры в Западной Сибири. Тюмень, 1994. С. 115; *Резун Д. Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных.

летописи, запечатлевшей перипетии «Ермаковой эпопеи»: «Ино ж от достоверных муж испытах («слогатель». — Я. С.), иже очима своим видеша и быша в та лета», «ино ж достоверными мужы испытвах, еже добре и некоснено поведоша ми яве».² Р. Г. Скрынников, попытавшись в отличие от ряда других исследователей очертить круг соответствующих известий Основной редакции Есиповской летописи (далее — ОЕЛ), отнес к ним свидетельства о сеунчиках, приехавших из Сибири в Москву, пожаловании царевича Маметкула (якобы сына Кучума) в российской столице, закладке Тюменского острога и (подобно Е. К. Ромодановской) о пленении в Тобольске «начального» князя Сейдяка,³ царевича «Казачьей орды» «Салтана»

Новосибирск, 1993. С. 25; *Гарифуллин И.* Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000. С. 14; Очерки по истории белорусов в Сибири в 19–20 вв. Новосибирск, 2001. С. 6; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (История Сибири. Первоисточники. Вып. X) (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 361; *Ерофеева И. В.* Сведения о казахском народе и Казахстане в русских летописных и дипломатических источниках XVII — первой трети XVIII века // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 2. Алматы, 2005. С. 19–20; *Исхаков Д. М.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006. С. 124, и др. Ср.: *Никитин Н. И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 52; *Преображенский А. А.* «Веков связующая нить...»: Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). М., 2002. С. 82; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 251.

² ПСРЛ. Т. 36. С. 42, 72. Далее ссылки на это издание произведений «группы Есиповской летописи» приводятся в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

Кроме того, по словам Есипова, «писмени о сем («держат» ли калмыки закон или отцовское предание. — Я. С.) не обретох, ни испытати возмогах», «как[о] нарицашесь» «Сибирская земля», где до «создания» города Сибири обитала «чюдь» (покоренная, в частности, Тайбугой на Иртыше), «того в память никому не вниде, ни писания обретох» (45–47. Ср.: С. 81, 108, 358). Кстати, считалось, что Верхотурье основано «на старом на чюцком городище на Неромкуре» (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 367, 369). Точнее, оно было вогульским. См.: *Шашков А.* Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 9. С. 22; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 131. Заметим, что еще в начале XVIII в. на «чюдцкое писмо» ссылался С. У. Ремезов (*Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* «Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 520, 521. Ср.: С. 525).

³ С точки зрения С. В. Бахрушина, следуя татарским преданиям, Есипов писал о том, что после убийства Кучумом отца и дяди Сейдяк укрылся в Средней Азии. См.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 199. В изобилующей фактическими ошибками и домыслами статье Д. М. Володихина повторено явно недостоверное свидетельство Основной редакции Строгановской летописи (далее — ОСЛ), будто тобольский письменный голова Д. Чулков разбил Сейдяка (*Володихин Д. М.* Кто присоединил Западную Сибирь к России в XVI столетии? // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 5 (44). С. 207).

и Карачи (в недавнем прошлом ханского визиря), предположив, что об этих событиях софийский приказный знал от сподвижника «ратоборного» Ермака Ивана (Черкаса) Александрова, с 1590-х годов являвшегося атаманом, затем головой тобольских служилых татар. Н. И. Никитин отверг такое допущение, ибо Черкас Александров умер не позднее конца первой четверти XVII в.⁴ Поездка сеунчиков «Ермаковой дружины», «взявшей» «за саблю» Сибирское ханство (о ней говорилось еще в протографе «Краткого описания о Сибирстей земли...» (далее — КО) (74)⁵), должна считаться «вымышленным обстоятельством» в летописном рассказе о походе нескольких казачьих сотен во владения Кучума.⁶ Есипов лишь упомянул про «многое» «царское

⁴ Никитин Н. И. 1) Тобольская «литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 69. Примеч. 5; 2) Соратники Ермака... С. 65. Приблизительно в 1608 г. (см.: Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 76) служилые люди «царствующего града» Тобольска под началом этого головы сумели взять в плен хана Али (Алея); позднее, насколько известно, о Черкасе (которого Е. К. Ромодановская и А. Т. Шашков признавали первым тобольским летописцем) в источниках не упоминается. Савва же Есипов, вероятно, появился в сибирской столице как дьяк нового архиепископа Макария в 1625 г. В этом чине автор «Сказания» о завоевании «русским полком» «Кучумова царства» значится в сохранившихся документах с 1628 г. (Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 18).

⁵ См. также: Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. (Далее — СЛ). С. 308.

⁶ Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 60–72; 2) «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 71. Примеч. 15; С. 127–135; Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // РИ. 2015. № 3. С. 39, 41, 44, и др. Недаром соответствующая глава ОЕЛ открывается фразой «Изволи бог предати христианом Сибирскую землю», хотя, как видно из последующего рассказа, Кучум, его подданные и вассалы отнюдь не сложили оружия, да и в концовке указанной главы говорится о том, что к этому «царю», в «иные орды и улусы» из подвластных русским земель могли «отъехать» «иноземцы». По свидетельству Есипова, ермаковцы известили царя Ивана о приведении ими к шерти татар, остяков, вогулов и других «языков», но об этом умалчивается в предыдущих главах летописи «о взятии Сибири и победе сицеве». Заметим, что в рассказе дьяка нескольких тобольских владык о приезде сеунчиков в Москву встречаются формулировки, которые (или подобные им) мы находим в тексте ОЕЛ и ранее, и позднее, например, «зла не мыслити», «повинныя творит» (48, 57, 58, 61, 67). Кроме того, если верить ОЕЛ, царь Иван направил воевод в Сибирь в 7091 г. (60), то есть, по меньшей мере, через год, а скорее всего, даже больше после того, как узнал о ее «взятии» казачьей «дружиной».

Вымышленными представляются и обращения тобольского воеводы (точнее, письменного головы) Д. Чулкова к Сейдяку и ответ последнего, сообщения о том, что взятому в плен царевичу Маметкулу Ермак «поведает ... великое жалованье»

жалование», полученное Маметкулом в Москве, где его ожидала «честная» встреча (61, ср. 58, 59).⁷ О «создании» Тюмени (участником которого, если верить Погодинскому летописцу (далее — ПЛ), являлся Черкас) в ОЕЛ лишь упоминается, причем под 7093 вместо следующего года (65, 136, ср. 46),⁸ а глава о пленении в недавно «срубленном» Тобольске⁹ Сейдяка, Салтана и Карачи, как находила Е. К. Ромодановская (кстати, вслед за Н. М. Карамзиным, С. А. Адриановым, С. В. Бахрушиным и Д. С. Лихачевым), передает местное предание,¹⁰ и его возникновение отнюдь не обязательно связывать

московского самодержца, а остяки, оставшись у Обского городка без «кумира», «ре[ко]ша друг ко другу: «Силни убо (русские. — Я. С.) стреляти, яко таково древо (возле которого стоял идол. — Я. С.) разби» (57–59, 65, 67). Стало быть, не приходится утверждать, что «все описание (перипетий начала присоединения Сибири к России. — Я. С.) у Есипова вполне реально» (Ромодановская Е. К. 1) Летописные источники о походе Ермака // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 23; 2) Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 48; 3) Есиповская летопись // Историческая энциклопедия Сибири. Т. А–И. Новосибирск, 2009. С. 539, и др.).

⁷ Ср. также: СЛ. С. 9, 29–31, 75, 76.

⁸ *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 119, 120.

⁹ Обратим внимание на то, что в 22 из 28 списков ОЕЛ, да и в ее вторичных разновидностях, включая Распространенную редакцию летописи Саввы Есипова (далее — РЕЛ), нет сообщения о 15 поприщах, разделяющих «град» Сибирь и Иртыш, на берегу которого был заложен Тобольский острог (35, 41, 66. Примеч. 79–82; 88, 96, 115, 126, 186, 252, 312, 365). Сходное известие встречается только в ПЛ. Его «слогатель» принял данное указание за определение расстояния между Старой Сибирью (Кашлыком, Искером) и Тобольском «по нынешнему содержанию», исходя же из прежнего, будущая столица «Сибирского царства» московских государей возникла в 12 верстах (поприщах) от центра Кучумова юрта (129, 133, 136). Не исключено, что свидетельство о 15 поприщах принадлежит не Есипову, а попало в текст интересующего нас «Сказания» при его переписке до середины XVII в., к которой относится древнейший Сычевский список повести «о взятии Сибири и победе сичеве» (69); в других ранних списках ОЕЛ — Аввакумовском того же времени и Уваровском, появившемся в 1663 г. (см.: [Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие. С. 6–7), — соответствующего чтения мы не найдем. Вспомним также, что в Сычевском списке говорится о гибели отправившихся «к рыбной ловле» «православных воев» в урочище Босан, тогда как в 19 списках (но не всех остальных, как утверждала Е. К. Ромодановская, см.: ЛП. С. 366) подобно синодику «ермаковым казакам» (далее — С) упомянуто про Ябалак или Абалак (56, 71, 78, 380). Кроме того, в большинстве рукописей ОЕЛ патриарх Филарет назван «крайним» святителем (а не «краснейшим»), о чем сказано и во многих других сибирских летописях (70. Примеч. 39; 89, 127, 188, 194, 262, 370. Ср.: С. 144).

¹⁰ См. также: Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 46–51.

Считалось, что эта глава ОЕЛ либо ее протографа основана на показаниях или, главным образом, Черкаса Александра, или, во вторую очередь, Сейдяка (см.:

только с именем Черкаса Александрова, да и нет уверенности в том, что он в 1587 г. уже нес службу в будущей сибирской столице.¹¹

ОЕЛ (или ее протограф — «писание», которое «распространил» владычный дьяк, предположительно, ранняя тобольская летопись¹²) содержит более двух десятков известий, которые можно возвести к устной традиции, хотя далеко не всегда к показаниям ветеранов прославленной экспедиции 1582–1585 гг., как часто утверждалось. Таковы сообщения о судьбе Тайбуги¹³ и генеалогии сибирских правителей;¹⁴ известия о том, что Мамет после убийства казанского царя

Маслюженко Д. Н. Возможности использования сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // *Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5.* Нижневартовск, 2010. С. 8). Однако последний, напомним, в начале осени 1587 г. попал в плен и был спешно отправлен в Москву.

¹¹ См. также: *Солодкин Я. Г.* Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 86–89. А. А. Преображенский не исключал, что Есипов использовал свидетельства софийского сына боярского М. Т. Трубочанинова — «кадрового служаки в Сибири» (*Преображенский А. А.* Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // *Советские архивы.* 1983. № 2. С. 63). Но он появился там, причем, будучи ссылкой, только в 1615 г. См.: *Буцинский П. Н.* Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 198.

¹² *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 22, 24–27, 30, 33, 34, 42, и др.

¹³ Вернувшись к Чингису из успешного похода на Иртыш и Обь, Тайбуга якобы просил отпустить его «[и]деже хочет, там да пребывает», и царь ответил согласием (46). В ОЕЛ вовсе не говорится о том, что Тайбуга «захватил людей для царя» Чингиса, как представлялось Д. Н. Маслюженко.

По словам А. В. Парунина, «следует признать легендарным весь исторический срез в сибирских летописях, начиная с правления легендарного Он — Сом хана и заканчивая причинами перенесения Маметом столицы в Искер» (*Парунин А. В.* Дискуссионные моменты гибели лидера сибирских Шибанидов Ибак-хана // *Сулеймановские чтения (четыренадцатые).* Всероссийская научно-практическая конференция. «Актуальные проблемы развития языка и культуры сибирских татар» (Тюмень, 13–14 мая 2011 года): материалы и доклады. Тюмень, 2011. С. 75). Едва ли можно безоговорочно согласиться с этим заключением. Ведь в ОЕЛ и ее вторичных разновидностях сообщается о царе Оне и многих сибирских князьях, начиная с Тайбуги (о которых мы читаем и в других, в том числе более ранних источниках, см.: *Парунин А. В.* Княжеская династия Тайбугидов. Обзор источников и историографии // *Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «V Зыряновские чтения»:* Курган, 12–14 декабря 2007 г. Курган, 2007. С. 96; *Маслюженко Д. Н.* Возможности использования сибирских летописей... С. 8, 17), вероятно, на основании какого-то «писания» либо устных преданий.

¹⁴ *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 225; *Демин М. А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб.; Барнаул, 1995. С. 122–123, и др. Еще Г. Ф. Миллер заключил, что русские книжники XVII — начала XVIII в. о «татарской прежних времен истории (Сибири. — Я. С.) ... по изустным объявлениям уведомились», то есть услышанному от татар (*Миллер Г. Ф.* История

Упака¹⁵ (последний зачастую, начиная с В. В. Вельяминова-Зернова, идентифицируется с тюменским ханом Ибаком), решив основать новую столицу — город Сибирь, «град свой Чингиден разруши»,¹⁶ Тюмень располагалась на месте Чингидена (Чингия), где его «создатель» Тайбуга жил «много лет»,¹⁷ как позднее и Мар с Упаком, Кучум прибыл к «граду» Сибири «степью ис Казачьи орды со многими воинскими людьми»;¹⁸ спасшегося тогда Сейдяка «извели» в «Бухарскую

Сибири. Т. 1. С. 158, 160, 185, 192; ср.: Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Там же. С. 49).

С точки зрения В. И. Сергеева, Есипов попытался ответить на вопрос, «чесо ради наречеса Сибирь вся страна сия», «исходя из смысла созвучных слов татарского языка» (Сергеев В. И. Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (По восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 5). ОЕЛ, между прочим, опровергает заключение (см.: Конев Ю. М., Конев А. Ю. Роль Тобольска в формировании сибирской региональной идентичности // Тобольск — врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX вв. Тобольск, 2012. С. 7), будто термин «Сибирь» обозначал «до прихода Ермака лишь столицу подвластного Кучуму региона».

¹⁵ Об убийстве Маметом (Махметом) Упака русские летописцы знали, скорее всего, по устным преданиям сибирских татар. См., например: Исхаков Д. М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 175, 177.

¹⁶ Город Сибирь (Искер) предположительно возник значительно раньше, чем погиб Упак. См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 128; Зубков К. И. Русский путь в Сибирь (Опыт геополитического анализа) // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 6.

Вопреки мнению А. С. Мыльниковой, Есипов соотносил с Итамом не Мамета (Моамета, вернее, Мамеса, Махмета, Магмета), которого называл то князем, то царем (Мыльников А. С. Итальянские параллели Саввы Есипова. К вопросу о вариантах римской темы в русской научной мысли XVI–XVII веков // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 149), а город Сибирь.

Хотя летописец указал на «разрушение Чинги-Туры после гибели Ибак-хана, этот город, — заметил Д. Н. Маслюженко, — сохранял свое значение при его наследниках в первой половине XVI в.». Тот же курганский историк находил, что по ОЕЛ, с кончиной Мамета его царство на Ишиме прекратило существование (Маслюженко Д. Н. Возможности использования сибирских летописей... С. 10, 26). Точнее, это случилось со времени основания «града» Сибири, где затем правили потомки Мамета (47, 48).

¹⁷ Версия о том, что «летописный» Тайбуга являлся современником Чингисхана, считается основанной на преданиях сибирских татар. См., например: Молявина Е. Ю. Изучение истории Сибирского юрта (до похода Ермака) в отечественной историографии середины XVIII — середины XIX вв. // Тюменский исторический сборник. Вып. 10. Тюмень, 2007. С. 55.

¹⁸ Некоторые историки считают достоверным это известие, отсутствующее в ОСЛ (зависимой от того же протографа, которым располагал Есипов). См.: Тychинских З. А.,

землю»; ханский придворный Таузак, плененный в устье Тавды, поведал русским «все про царя Кучюма»;¹⁹ первое сражение («брань велия») между ермаковцами и отрядами сибирского властителя произошло возле урочища, «иже Бобасан река именуем»,²⁰ а следом, когда казаки двинулись по Тоболу, «поганые» из-за горы обстреляли струги казаков, но «то место (какое, не сказано. — Я. С.) проплыша (русские. — Я. С.) ничем не вреждени» (52, ср. 110, 121, 131, 240, 306, 360);²¹ в улусе Карачи, где «пришедшим» досталось «множество

Исхаков Д. М. Взаимоотношения Московского царства и Сибирского юрта в 1550-х — начале 1580-х гг. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9–10 декабря 2014 г. Тюмень, 2014. С. 209.

На взгляд И. В. Ерофеевой, о прибытии Кучума в Сибирь из Казачьей орды, как и Тайбугидах, правивших на берегах Ишима, Туры и Иртыша, Есипов узнал из преданий тюркоязычных народов раскинувшейся к востоку от Урала бескрайней страны (*Ерофеева И. В.* Сведения о казахском народе и Казахстане... С. 19–20). Вопреки мнению этой исследовательницы, о генеалогии сибирской ветви Шейбанидов (Шибанидов) в ОЕЛ не говорится; исключение составляют сведения о Маметкуле и сыне Кучума Алее (Али).

¹⁹ Об этом рассказывается и в ОСЛ. См.: СЛ. С. 16–17. Ср.: С. 65, 99. По мнению Е. К. Ромодановской, в изображении автора ОЕЛ «Ермакова дружина» (о происхождении которой не сообщается) «как бы» принесена на Тавду «божественной силой из неведомого пространства» (*Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература: XVII век. С. 239, и др.). Но в этой летописи говорится о том, что собранное Ермаком «русское воинство», победившее Кучума, достигло Тавды, плывя «Чюсовою рекою», а затем Тагилом и Турой (42, 51, ср. 50, 130).

²⁰ В большинстве списков ОЕЛ и ее вторичных разновидностях Бобасан не считается рекой; в ПЛ это урочище («Бабачани») локализуется «на реке на Тоболе» (33, 38, 52, 83, 92, 109, 131, 181, 240, 306, 360. Ср.: 121), о чем свидетельствуют и Ремезовская летопись (далее — РЛ), и картографические материалы.

²¹ Сходные сообщения есть и в ОСЛ. См.: СЛ. С. 19, 20. Ср.: С. 66, 100.

По мысли А. Т. Шашкова, при помощи ермаковцев автор ОЕЛ смог выяснить, когда они очутились в Сибири (*Шашков А. Т.* Погодинский летописец... С. 136. Ср.: С. 137, 151). Но датой начала похода «русского полка» во владения Кучума открывается и одна из ранних разновидностей С, и та, которая сопутствует есиповской «книге о сибирском взятъе» (70, 380).

Примечательно, что в старшей среди дошедших до нас редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС) говорится о хиротонисании Киприана в «первопрестольные» тобольские архиепископы 8 сентября 129 г. — «по сибирском же Ермакове взятии в четыредесятное лето»; о поставлении в Тобольск этого владыки, накануне бывшего архимандритом Спасо-Хутынского монастыря, в 129 г. сообщается и в предпоследней главе ОЕЛ (69–70, 146). Возможно, «о пришествии ... Ермакове и прочих казак в Сибирь» в 7089 г. создателям С, а вслед за ними и Есипову (51; ср.: ЛП. С. 89), стало известно благодаря протографу КО, который, судя, в частности, по ОЕЛ, Киприан привез в «начальный град» «восточной страны» из Москвы. При редактировании данного протографа повторенная почти всеми сибирскими книжниками дата начала прославленной экспедиции была, видимо, сочтена излишней. Аналогичным образом, скорее всего, поступил создатель Нового летописца

богат[ст]ва», они «цареву меду в струги своя снесоша»;²² к берегу Иртыша, где произошло новое сражение, «погании ... приидоша овии же на конях, овии же пешы»;²³ возле берега Иртыша под высокою горой, «рекомей Чювашеве», Кучум устроил засеку,²⁴ а в со-

(далее — НЛ), интересовавшийся событиями конца царствования Ивана Грозного, начиная с 7092 г. (ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 33, 34). Восходящие к протографу КО (текст которого подвергся сокращению, и при этом не обошлось без существенных ошибок) первые две главы обширной «Книги», сложившейся в официальных кругах незадолго до смерти патриарха Филарета, со временем были предпосланы повествованию, запечатлевшему перипетии без малого полувека русской истории. В КО сказано о «взятии» Сибири 26 октября 7089 г.; в Долговском списке это считавшееся иногда летописью сочинение открывается словами, продолжающими приведенное известие: «мученика Димитрия Селунскаго взято царство Сибирское» (74; СЛ. С. 308). В НЛ же указанное хронологическое определение не встречается (ПСРЛ. Т. 14. С. 33; см. также: 73, 78). В двух редакциях Строгановской летописи назван даже день, когда начался сибирский поход казаков (1 сентября), но то 7090, то 7091 г. (СЛ. С. 10, 14, 58, 62, ср. 16, 64, 98). Впрочем, поскольку КО в рукописной традиции сопровождается «Сказанием» Есипова, где налицо соответствующие строки (56, 182, 243, 307, 361; ср. 42, примеч. 1–12; 72, примеч. 40; 84, 93, 111, 122, 132; СЛ. С. 25, 71; [Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие. С. 13, 22, 29), возможно, их не было в протографе первого из этих сочинений, тем более что речь идет о дне, когда «православные вои» заняли «град» Сибирь. О выступлении же Ермака «з дружиною» в зауральский поход, не исключено, московский «списатель», из-под пера которого вышел протограф КО, знал по какому-то нарративному сочинению. «Пошествие» «великого ратоборца» «со всем товариством его» за Урал относится к 7091 г., но в ОЕЛ, да и в большинстве ее вторичных разновидностей так, и вновь неточно, датируется «присылка» царем Иваном в Сибирь воеводы князя С. Болховского и головы И. Глухова (60, 138, 189; ср.: СЛ. С. 301).

²² Мнение Н. П. Матвеевой и О. М. Аношко, что в ОЕЛ и многих ее вторичных разновидностях речь шла не о меде, а царевиче, имя которого оказалось при переписывании текста усеченным (Ахмеда, Мамеда и т. п.) должно считаться произвольным (Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви»... С. 80. Примеч. 142). Примечательно, что, как говорится в двух поздних редакциях есиповской повести, казаки «царева меду много в струги своя отнесоша», «много и меду царева взяша в струги себе» (110, 121. Ср.: С. 181. Примеч. 7).

²³ См. также: СЛ. С. 20–21, 67. Где именно состоялся этот бой, в ОЕЛ опять-таки не говорится. В «Летописце тоболом» (далее — ЛТ) — Абрамовской редакции «Сказания» Саввы Есипова — уточняется, что сражение на берегу Иртыша произошло «у Княжей речки» (92). См. о ней, например: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 270; Элерт А. Х. Курдюмка, Пилигримка, Княжева ... Сибирская столица 1741 г. в описании академика Г. Ф. Миллера // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 18.

²⁴ В С сказано о том, что «под Чювашею» произошло сражение между «дружиной» Ермака и войском Кучума (71, 380). По сообщению Есипова, во время решающей битвы с «русским полком» на этой горе находился со свитой Кучум, взывая о помощи языческих богов (53, 54). Данное свидетельство имеет явные параллели со Сказанием о Мамаевом побоище. См.: Нигматзянов И. Г. Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии // История, экономика и культура

стоявшемся поблизости сражении получил ранение царевич Маметкул, который попал бы в плен, если бы «свои» не увезли его на другой берег Иртыша; накануне битвы 23 октября 1580 г. «быша вси (атаманы и казаки. — Я. С.) в размышлении», отступить или нет, ведь «поганных» насчитывалось в десять, если не в двадцать, раз больше, и «дружина» все же решила биться с ними, «яко уже осень [бе]»; одержав победу, с наступлением ночи ермаковцы вернулись из-под Чувашева, наутро же двинулись ко «граду» Сибири, посчитав, что там «скрышася ... окаяннии»;²⁵ в этот город, занятый казаками, вскоре явились во главе со своим князем Бояром многие остяки с дарами и запасами,²⁶ а потом туда стали возвращаться татары; о местопребывании Маметкула (на Вагае, от «града» Сибири «яко поприщ

средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции: г. Курган, 21–22 апреля 2017 года. Курган, 2017. С. 70. Ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 13; *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 37.

И. Р. Нигматзянов, кстати, явно заблуждается, утверждая, что в представлении Есипова Тайбуга убил сына царя Она. Заметим, что создатель ОЕЛ вовсе не считал Тайбугу, как думалось Г. Л. Файзрахманову, преемником Ансама или Онсома (Она) (*Файзрахманов Г. Л.* Неизвестные источники по истории сибирских татар // «Сулеймановские чтения — 2006»: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). Тюмень, 2006. С. 128).

²⁵ Сомнительно, будто Кучум бежал из города Сибири, лишь «взя мало нечто от сокровищ своих» (55). В Лихачевской редакции (далее — ЛР) «писания» Есипова сказано, что в ханской столице, брошенной Кучумом, казаки «богатства ... зело много взяша» (122. Ср.: С. 52, 59, 60, 68, 93). Аналогичное известие, встречающееся в РЛ (СЛ. С. 332, 422), нам, в отличие от В. В. Трепавлова, Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябиной, представляется сомнительным, как и большинство других оригинальных сообщений тобольского «изографа» петровской эпохи. На взгляд Г. Ф. Миллера, кстати, хан забрал из Искера (Кашлыка) все драгоценности (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 226).

²⁶ Ср.: СЛ. С. 26, 72. Сообщение о том, что Бояр со своими остяками прибыл в город, еще недавно служивший главной ставкой Кучума, «по взятии ж Сибири в 4-й день», возможно, появилось в протографе ОЕЛ не без влияния Летописной книги о Смутном времени (далее — ЛК). См.: *Солодкин Я. Г.* «Беседуя к вашей любви»... С. 21.

Как думалось А. И. Андрееву, сведения о вере, пище, одежде, средствах передвижения остяков, вогулов, татар, калмыков, «мугалов», селькупов, самоедов отчасти почерпнуты Есиповым из устных источников (*Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. М.; Л., 1960. С. 151). Отметим, что утверждение о захвате остяками своего «кумира» «при одном из нападений на Обский (Мансуровский) городок (Там же. С. 152), должно считаться недоразумением. По свидетельству летописца, многие годы являвшегося дьяком Тобольского архиерейского дома, этого «кумира», надеясь с его помощью одолеть русских, остяки принесли к острогу, сооруженному служилыми людьми «против иртышского устья» (65).

сто») русские узнали от татарина Сенбахты;²⁷ Карача, покинув Кучума, расположился на Юлмыском озере между реками Тарой и Омью;²⁸ с началом весны (накануне во время голода умерло немало русских, включая воеводу князя С. Болховского) татары и остяки стали «приносить во град (Сибирь. — Я. С.) многие запасы»,²⁹ прежде всего «житные и овощные», и там даже наступило изобилие (46–48, 51–56, 60, 65, ср. 59, 131, 132, 135). Возможно, от кого-то из служилых, если не промышленных людей, автор ОЕЛ знал про то, что Мангазейская губа «вниде во акиян море прямо к северу», и там «леди ... николи не таяще от солнца, и непроходимо место».³⁰ Вероятно, понаслышке Есипов писал и о том, что до «пришествия» Ермака «з дружиною» «Кучюм царст[во]ва в Сибири лета доволна», то есть «многа», как читаем в нескольких рукописях «гистории» софийского дьяка (45–46, 48, 237, ср. 303).

По свидетельству автора летописи «о взятии Сибири и победе сице», царь Федор Иванович наградил служилых людей, сопровождавших в Москву плененного казаками Маметкула, «денгами и кормом, и выходными сукнами» (61, 69, ср. 95, 124, 135).³¹ (Сеунчиков Ермака

²⁷ См. также: СЛ. С. 27, 72. В РЛ в данной связи говорится о «ясашном» ближнем мурзе Сенбахте Тагине (Там же. С. 338, 429).

Не исключено, что про Сенбахту, как и о Таузаке, «списателю», входившему в окружение архиепископов Макария, Нектария и Герасима, стало известно от кого-то из тобольских служилых татар. С точки зрения Д. Н. Маслюженко, в русских летописях можно «попытаться уловить ... взгляд татарских рассказчиков» (Маслюженко Д. Н. 1) Возможности использования сибирских летописей... С. 5. Ср.: С. 8, 9, 28, 29. Ср.: 2) Условия и особенности реставрации власти Шибанидов в Сибири в 1560-е гг. // «Сулеймановские чтения»: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции по теме «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке» (г. Тобольск, 16–17 мая 2008 г.). Тобольск, 2008. С. 229; 3) Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 14; 4) Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всероссийской научной конференции: г. Курган, 17–18 апреля 2014 года. Курган, 2014. С. 54. Примеч. 1).

²⁸ Ср.: СЛ. С. 28.

²⁹ Ср.: Там же. С. 32, 77.

³⁰ Ср.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов. Екатеринбург, 2004. С. 82–84.

³¹ О награждении «кормом и выходом» ермаковцев, а также служилых людей, которые нанесли Кучуму поражение, ставшее окончательным (последним отправили еще и золотые), мы читаем и в РЛ. В этой «Истории Сибирской» сказано также о пожаловании атаманов и казаков, «взявших» юрт «прегордого царя», сукнами и деньгами, а Ермака — якобы двумя панцирями, «сосудой», кубком и шубой (СЛ. С. 338, 352, 428, 429, 443. Ср.: С. 344, 345, 435, 436). Во вторичном относительно ОЕЛ Румянцевском летописце (далее — РмЛ) при этом речь идет о деньгах, сукнах и корме,

«с товарищи», если верить тобольскому «слогателю» 1630-х годов, Иван IV пожаловал «денгами и сукнами». Заметим, что сообщив об отправке Сейдяка, Салтана и Карачи в Москву «со многими воинскими людьми», о награждении последних Есипов умалчивает (58, 68, ср. 137)).³² В отличие от ПЛ, в ОЕЛ не сообщается и о том, что Маметкул был «привезен к Москве Иваном Киреевым» — сослуживцем князя Семена Волконского, умершего вскоре после того, как он «пришел в Ст[ару]ю Сибирь» (61, 133, 135, 137).³³ Думается, о корме

в ПЛ (где уточняется, что Маметкула сопровождали голова И. Киреев и «ермаковы казаки») — о сукнах и золотых, а в нескольких видах РЕЛ говорится о пожаловании «приставов» «с болшим доволством», «денгами и золотыми, и добрыми сукнами, и камками, и питием» (34, 40, 133, 248, 310, 363, ср.: 142, 190, 191. Примеч. 20–23; 259, 370; СЛ. С. 30, 75, 301).

³² С конца XVI в. служилых людей из восточных уездов России было принято награждать «за сибирский приезд» деньгами и сукнами. См.: *Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири: 1965–2000. Новосибирск, 2003. С. 220, 221; *Малов А. В.* Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным прихода-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения 2015: Материалы Российской научной конференции. Вып. 10. Березово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27–28 ноября 2015 г. СПб., 2015. С. 159, 164–180, и др.

Вряд ли можно думать, как уверяет Есипов, что царь Иван узнал о «Сибирском взятии» только из доставленной казаками в Москву отписки, которую он «повеле ... принять и вычесть пред своим ... лицом» (58).

³³ Вероятно, соответствующее показание ПЛ, кстати, уникальное, основано на каком-то документальном источнике, где князь С. Д. Болховский, причем восемь раз, назван (впрочем, неточно) Волконским (ср. 60. Примеч. 10, 11; 73, 113; ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 142), его «товарищ» голова Иван Глухов именуется Васильевым сыном, и сказано о том, что они располагали тремя сотнями ратных людей (ср.: *Сергеев В. И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43; *Скрынников Р. Г.* Ранние сибирские летописи // ИСССР. 1979. № 4. С. 97; ЛП. С. 366–367, и др.) — казанских и свияжских стрельцов, пермичей, вятчан «и иных». Едва ли, думается, этот источник подобно Р. Г. Скрынникову стоит сблизать с разрядной записью (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 50, 237, и др.), недаром Болховский, и едва ли переписчиком ПЛ, превращен в Волконского. Принимая во внимание также известие о численности и составе рати Ивана Мансурова (135), можно заключить, что создатель ПЛ наряду с казачьей «скаской» о предыстории зауральского похода воспользовался какой-то приказной «рописью», быть может, посвященным сибирским экспедициям середины 1580-х годов «писмом», хранившимся в Посольской «избе» (ср. 137; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 51, 59; *Солодкин Я. Г.* «Беседа к вашей любви...»... С. 113). Не исключено, что в этом «писме» сообщалось и о возвращении девятиста уцелевших ермаковцев во главе с И. Глуховым «на лето, как вода вскрылась», «к Руси» (по Соби «в Пустоозеро»).

Заметим, что в ПЛ подобно ОЕЛ гибель Ермака и его «воинов» на перекопи отнесена к 5 августа 7092 г., стало быть, «приход» И. Киреева с Маметкулом в Москву

и «выходных» сукнах, которых удостоились ратные люди, доставившие Маметкула в российскую столицу, автору летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде» (72) сообщил кто-то из потомков казаков, являвшихся приставами у султана, считавшегося лучшим военачальником Кучума.

Аналогичное происхождение, как представляется, имеют свидетельства о том, что «поганые», узнав про истребление Карачей отряда атамана Ивана Кольца,³⁴ «начаша во многих местех казаков побивати, где обретаемы бываху по волостем и по улусом»; прежний ханский «думчей», осаждавший со времени великого поста город Сибирь, при нападении ермаковцев (когда лишился двух сыновей) бежал с немногими татарами из Саускана за озеро,³⁵ когда же «агаряне» вернулись и бой, продолжавшийся до полудня, возобновился, русские скрывались в кустах, откуда предприняли вылазку³⁶ (это случилось с наступлением «пролетия», в июне; в походе, оказавшемся для Ермака последним, он со своими «воями», плывя по Вагаю, достиг Атбаша, откуда повернул назад; перед нападением на казаков у перекопи хан «повеле тоя нощи крепко стрещи и многих тотар по многим местам розосла»;³⁷ «поганые» перебили казаков ночью, в «дождь велий»

следует датировать не тем же годом (62, 63, 134, 135), а следующим, о чем имеются документальные свидетельства.

³⁴ Примечательно, что в обеих сохранившихся редакциях С сказано о том, что отряд Ивана Кольца (в старшей из них — «40 человек товариства») был «отпущен» к Караче «по приговору всего товариства», по «совету своего (Ермака. — Я. С.) товариства» (71, 380, ср. 85, 90, 138, 188), тогда как в ОЕЛ при этом говорится о «совете» «начального» атамана «с товарищи», хотя о «товаристве» упоминается в рассказе о пленении Маметкула (по большинству списков) (58, 61). Указание С на «приговор» «всего товариства», давно обратившее на себя внимание (Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи. С. 93; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 77; и др.), возможно, попало туда из «написания», полученного архиепископом Киприаном от ветеранов прославленной экспедиции за «Камень». В таком случае в этой казачьей «скаске» говорилось не только о «пришествии» «русского полка» в Сибирь и его боях с «кучумлянами», как принято считать на основании свидетельства Есипова (70, ср. 194–195, 262; Ромодановская Е. К. «Написание» казаков о походе Ермака // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 370). В. П. Адрианова-Перетц, кстати, затруднялась решить, насколько создатели «написания» вышли за пределы ответов на вопросы, интересовавшие Киприана (История русской литературы. Т. I. М.; Л., 1958. С. 297).

³⁵ Ср.: СЛ. С. 36, 80, 81.

³⁶ В ОЕЛ про такую вылазку умалчивается. См.: СЛ. С. 36, 81.

³⁷ Об этом рассказывается и в ОЕЛ (СЛ. С. 37). А. В. Матвеев заблуждался, полагая, что в С о перекопи упоминается «без сколько-нибудь точных географических привязок» (Матвеев А. В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 132). В «помяннике» атаманов и казаков, павших при завоевании

(спастись, о чем летописцу могло стать известно по КО, удалось лишь одному из них), Ермак утонул, не добравшись до отошедшего от берега³⁸ струга, вероятно, с тем казаком, которому посчастливилось избежать гибели (61–63, 74, ср. 73, 78, 189).³⁹ (Как уверял своих читателей Есипов, во время нападения «кучумлян» на стан русской «дружины» у перекопи «ратоборный» атаман не сумел достичь струга, «понеже одеян [бе] железом», и «утопе». Но почему оно не мешало

«Кучумова царства», сказано о гибели Ермака у Вагая и «близ Вагайского устья» (72, 90, 117, 381). На взгляд известного тюменского археолога, почти во всех летописях мы читаем только о возвращении казачьего отряда с Вагая «к большой реке» (Матвеев А. В. В поисках места гибели атамана Ермака. С. 130), то есть Иртышу. Но в ОЕЛ и ее вторичных разновидностях сообщается о ночевке у перекопи Ермака «з дружиною», вернувшихся по Вагаю от Атбаша (34, 40, 63, 87, 95, 114, 125, 134, 185; см. также: СЛ. С. 37, 82, 302; Сергеев В. И. Источники и пути исследования... С. 44, 45), в Книге записной (далее — КЗ) перекопь (у которой, «на острову», расположились «православные вои») названа Вагайской, в поздних редакциях СЛС местом гибели «прехраброго» атамана считается перекопь на Вагае или «край» этой реки, в КО и НЛ идет речь о проливе на острове, где, не доходя до Вагая, разбили свой стан Ермак и его соратники (73, 74, 78, 138, 189, 233, 249–251, 257, 302, 310, 311, 314, 364, 367, и др.). О том, что «наставник» казаков утонул в Иртыше, прямо говорится только в ЛТ, а в Вагае — в Нарышкинской, Томской и Академической редакциях СЛС (96, 250, 311, 364).

³⁸ Вопреки мнению А. П. Яркова, в летописях не сказано о том, что «раненный в рукопашной схватке Ермак пробивался к берегу» и «неудачно прыгнул на край струга, который перевернулся» (Ярков А. П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 10. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 29). В. Н. Евсеев ошибочно утверждал, будто в представлении Есипова у вагайской перекопи Ермак прикрывал соратников до тех пор, пока не отойдут казачьи струги (Казачи Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк). Тюмень, 2010. С. 111).

³⁹ См. также: СЛ. С. 310. Согласно С, заключающему ОЕЛ, на перекопи с Ермаком пали и все его сподвижники, в более раннем же «помяннике», где упомянуты помимо атамана шесть погибших там казаков, утверждается, будто возле устья Вагая одним казакам удалось спастись бегством, другие были «побиты» «на станех»; при этом про Атбаш не сказано (72, 380, ср. 78, 125, 138, 250, примеч. 69). Кстати, на берегу Вагая располагался холм, издавна именовавшийся татарами Ат-баш, то есть Лошадиная голова; в 1637 г. туда перенесли Вагайский острог, и он получил название Атбашского (Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 97; Сергеев В. И. Источники и пути исследования... С. 56. Примеч. 113). В Бузуновском летописце вместо Атбаша упомянуто урочище, «идеже ныне поставлен Абатской острог» (СЛ. С. 302).

О происхождении летописных рассказов, посвященных гибели предводителя казачьей экспедиции за «Камень», см., например: Солодкин Я. Г. 1) «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы... С. 143–153, 223; 2) Смерть «храбросердного» Ермака: метаморфозы русских и татарских преданий в XVII в. // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (40). С. 5–14.

Ермаку накануне? К тому же «одеяны же железом»⁴⁰ были ханские воины в решающем сражении близ Чувашева «у засеки» (53, 63, ср. 131)). Если верить ОЕЛ, Ермак утонул, а не был утоплен («посажен в воду»),⁴¹ то есть ее автор, поясняя, каким образом «прииде на воинов («вооруженного» «славою и ратоборством атамана» «с товарищи». — Я. С.) смерть», относительно предводителя «русского полка» допустил противоречие. Вероятно, заметив его, создатель РмЛ (вида Б) дважды указал, что «Ермак утопе» (находившиеся же с ним «на острове» «убиени быша»); впрочем, следом, как и в ОЕЛ, говорится про «убиении[е] Ермакове». Во многих источниках, включая С, в том числе в редакции, признающей первоначальной,⁴² и вторичные разновидности повести «О Сибири и о сибирском взятии» Саввы Есипова, сказано о том, что прославленный атаман не утонул,⁴³ а его подобно многим сподвижникам убили (40, 63, 64, 72–74, 78, 90, 117, 128, 138, 188, 189, 315, 345, 381, и др.).

Как читаем в ОЕЛ, после гибели своего «наставника» русские «изыдоша из града (Сибири. — Я. С.) тай», воевода же Иван Мансуров, направлявшийся к этому городу, увидев на подступах к нему, «во уреченном месте» (ср. 71, 380),⁴⁴ у берега Иртыша, множество

⁴⁰ По мнению Е. К. Ромодановской, эта «формула», видимо, была официальной, хотя сама исследовательница указала на ее заимствование автором ОЕЛ из Хронографа Русского (Ромодановская Е. К. Сибирь и литература... С. 132, 218; ЛП. С. 366, 367, и др.). В рассказе Есипова о гибели Ермака и его соратников есть несколько выражений, которые встречаются во многих главах ОЕЛ и ЛК: «прииде на воинов смерть», «утрудившися (утрудишася)», «поставиша станы своя», «множество поганных», «спящим без всякого опасения», «на много время», «помощи имети животу своему» («надежды мощно имети животу своему», «ниоткуда чающе помощи», «ниоткуле помощи бысть») (52, 55, 56, 59, 62, 63, 72; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 402, 404, 408. Ср.: С. 392, 416, 418).

⁴¹ Ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 73, 89; Т. 34. М., 1978. С. 190, 191, 212, 217, 218, 226, 229, 247.

⁴² Там говорится о «всячески нужно скончавшихся от нечестивых» (380). Судя по ОЕЛ, Ермак и его «товарищи» были перебиты так же, как их соратники на Аба-лаке и четыре десятка казаков атамана Ивана Кольца (56–57, 61).

⁴³ А. В. Матвеев находил летописные сведения о смерти «наставника» казаков полулегендарными (Матвеев А. В. В поисках места гибели атамана Ермака. С. 127). Версия гибели Ермака в реке, кстати, восходит к древним погребальным традициям. См.: Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 312; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV — XVIII вв.: Коллективная монография. Екатеринбург, 2006. С. 102.

⁴⁴ См. также: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 392, 394, 412, 418. Свидетельство о том, где татары преградили путь русскому отряду, направлявшему к городу Сибири (Искеру или Кашлык), вновь не отличается определенностью.

«поганных»⁴⁵ и услышав о бегстве казаков из бывшей ханской столицы, не рискнул вступить в сражение с татарами и поплыл по Иртышу,

С точки зрения И. Ю. Серовой, известия ОЕЛ и ОСЛ о встрече Тайбуги с Чингисом находят параллель в сообщении ЛК о приеме Лжедмитрия Сигизмундом III в Кракове (*Серова И. Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 33*). Как говорится в ЛК, «поведано бысть о нем (самозванце. — Я. С.) королю польскому», и когда в его «полату» вошел «рострига», Сигизмунд «почте ево царьским достоянием и, одари его, отпустил» (ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 368). Это сообщение мало напоминает известие Есипова о том, что Чингис «приемлет сего (Тайбугу. — Я. С.), и великою честию почте его, дарует же сему княжение и власть в людех» (46). Кроме того, в ЛК («Повести книги сея от прежних лет»), атрибутировать которую пока убедительно не удалось, читаем: «почитаху его (Василия Шуйского. — Я. С.) по царьскому достоянию», «воевода ж сондомирский почте его («ростригу Гришку». — Я. С.) великою честию зело», боярина князя М. В. Скопина-Шуйского новгородцы встретили «с честию великою», а москвичи «почтиша ... честию великою зело» (ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 368, 380, 392, 400).

И. Ю. Серовой (признававшей, что в тексте ОЕЛ выявить заимствования из ЛК «достаточно трудно»), представлялось, что свидетельство Есипова о взятии Ермаком Саускана аналогично строкам «книжицы летописной», посвященным захвату Твери войсками князя М. В. Скопина-Шуйского (*Серова И. Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей. С. 33, 36*). Но в этих свидетельствах общей является только фраза «безо всякаго опасения», которая (или «без опасения») еще дважды встречается у софийского дьяка и в повествовании автора ЛК о битве на Ходынке. К тому же речь должна идти не о занятии Саускана, а про бой в этом месте (в трех «поприщах» от города Сибири), от которого бежали «воинские люди» Карачи, а затем вернулись «во град» ермаковцы. (О том, что казаков, совершивших вылазку «из града Сибири» к Саускану, возглавлял «начальный атаман», сказано только в ЛР повести «архиепископля» дьяка, см.: 125. Ср.: С. 95). Зато утверждение Есипова о том, что в битве «под Чювашею» «помалу погании начаша оскудевати», имеет аналогии в ЛК: «войску помалу оскудеваше», «помалу же начаша войско ... оскудевати», «войско нача оскудевати». Кроме того, выражение «облегоша (Карача. — Я. С.) град (Сибирь. — Я. С.)» встречается в рассказах об осаде Тулы, Смоленска и (ополченцами) Москвы «слагателя» «пространной истории» о «мятежных временах» (54, 56, 62, 63; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 372, 386, 388, 390, 392, 396, 398, 412. Ср.: С. 370, 384, 416). В ЛК и ОЕЛ налицо и выражения «мысль свою предлагает», «конец предлагаем», «на бегение устремишася», «попечение имея», «достойна утверждения», «возрадовашася (радовахуся) радостью великою зело», «утвердися ... крепостьми» («крепостми утвердити»), «мужески ополчитися», «мужески ... наступающе (нападоша)», «вдашася невозвратному бегству», «зимнею годиною»; в первой из них говорится о расширении «державы» Ивана Васильевича «пространством великим», а у Есипова сказано «пространство (бог царству. — Я. С.) дарует» (52, 55–58, 60, 67, 70, 72; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 358, 364, 366, 370, 386, 388, 390–394, 396, 400, 406, 410, 412, 416, 418, 422. Ср.: С. 384, 398, 412).

⁴⁵ Это указание может быть литературным штампом. Ср.: 51–53, 62–64, 71, 132, 138, 240, 241, 250, 251, 258, 345, 380, и др.

достигнув Оби.⁴⁶ Следом сказано, что, когда в Тобольске узнали о разорении Кучумом соседних «агарянских весей», русские напали на него «близ поля», разгромили войско «злочестивого царя», пленили двух его жен и сына; бежавший в «Калмыцкую землю» Кучум отогнал там «стада конские», но калмыки перебили многих воинов хана и «кони отполониша», а сам он был убит ногаями (64, 68–69).⁴⁷

На взгляд Н. А. Дворецкой, то обстоятельство, что об окончательном разгроме Кучума Есипов писал «весьма абстрагированно» (умолчав о том, когда и где это случилось, какой русский воевода одолел сибирского «салтана»), связано с его отношением к источникам — документальный материал перерабатывается «в духе книжной риторики».⁴⁸ Скорее, софийский дьяк всего лишь понаслышке, прибегая к воспоминаниям кого-то из тобольских служилых, рассказал о «побое» престарелого хана летом 1598 г.⁴⁹

⁴⁶ Рассказ Есипова об осаде «иноземцами» Обского городка представляется нам легендарным. См.: Солодкин Я. Г. Осаждали ли остяки Мансуровский городок? (К определению степени достоверности летописных свидетельств о начале русской колонизации Обь-Иртышья) // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 23. М.; СПб., 2018. С. 3–10.

Любопытно, что в ОЕЛ умалчивается о судьбе Обского городка после того, как от него отступили жившие поблизости остяки; лишь в некоторых вторичных разновидностях «гистории» Есипова сообщается о возвращении перезимовавшего в заложенном им остроге И. Мансурова на Русь, о ясаке, который «иноземцы», уже не появлявшиеся у стен этого острога, стали платить русским, даже его сожжении самим воеводой при оставлении Сибири (65, 96, 126, 136, 138, 186, 233, 252, 302, 312, 345, 365).

⁴⁷ Еще С. В. Бахрушин находил, что летописное повествование о смерти Кучума передает толки, молву. Но в описании Есиповым гибели «беззаконного царя», думается, затруднительно подобно выдающемуся историку прошлого века усмотреть ссылку на татарские источники (которая С. В. Бахрушину казалась литературным приемом) (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 29, 30).

О различных версиях гибели самого известного сибирского хана см., например: Посольская книга по связям России с Англией 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130; Рябинина Е. А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган, 2011. С. 94–95; Трепавлов В. В. Сибирский юрт... С. 58–60. Ср.: ПДС. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 922, 939, 1042.

⁴⁸ Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 64.

⁴⁹ Подробнее см.: Солодкин Я. Г. 1) Окончательный разгром Кучума глазами сибирских летописцев XVII века // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2007. Вып. 21. Тюмень, 2008. С. 6, 7, 10; 2) Окончательный разгром Кучума в сибирской летописной традиции // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2015. № 4: Гуманитарные науки. С. 24, 26.

Исходя из устной традиции (очевидно, сохранявшейся в окружении тобольских владык), Есипов писал и о возникновении С (Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири. Ч. 1. СПб., 1898. С. 67. Примеч. 1).

И. Р. Нигматзянов склонялся к выводу о том, что говоря о бегстве Кучума из града и с царства своего в поле» (68) (в главе «О смерти царя Кучюма, идеже скончася»), Есипов использовал грамоту Федора Ивановича 1597 г., адресованную сибирскому хану, где сообщается о его «казаковании».⁵⁰ Затруднительно решить, каким образом эта грамота могла стать доступна софийскому дьяку. (О бегстве Кучума с «царства» в поле, кстати, сказано в нескольких других документах⁵¹). Примечательно, что как утверждается в главе ОЕЛ о кончине самого известного сибирского хана, его, накануне собиравшегося напасть на Тобольск, русские победили «близ поля»,⁵² согласно одной из редакций СЛС — Академической, в 1600/01 г. Кучума разбили в «поле», а в другой — КЗ — указывается на предпринятый тогда из Тары поход «в поле ... за царем Кучюмом» и намерение «литвы» и немцев два десятилетия спустя, во время экспедиции «по соль к Ямышу озеру ... в поле убежать за Яик реку» (68, 141, 142, 147, 370, ср. 103, 226, 255, примеч. 67–68, и др.). Учтем и то, что в ЛТ порой вместо поля речь идет про степь (97). В десятках иных источниках, причем разнообразных, включая известную Есипову Казанскую историю, полем считаются обширные степные пространства.⁵³

⁵⁰ Нигматзянов И. Р. Имагология хана Кучума... С. 71.

⁵¹ См.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. 341; Трепавлов В. В. Сибирский юрт... С. 11, 38.

⁵² Во многих списках ОЕЛ, нескольких ее вторичных разновидностях и РЕЛ сказано о том, что «близ поля» Ермак «с товарищи» настигли Маметкула, отряд которого истребил казаков у Абалака (57. Примеч. 94; 84, 93, 111, 183, 244, 308, 361). В двух списках повести «О Сибири и сибирском взятии» говорится о том, что калмыки Кучума (отогнавшего у них «стада конския») «постигоша близ поля» (68. Примеч. 36).

В битве на Чувашевом мысу, как писал Есипов, «очевл[ен]ишася ... кровми поля сущая» (54, ср. 110, 131; ср.: ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 336). Процитированная фраза заимствована из Хронографа Русского. См.: ЛП. С. 366.

⁵³ См., например: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 347, 351, 353, 384, 409, 446–447; Т. 2. С. 259, 374; АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 436; ПДС. Т. 2. СПб., 1852. Стб. 664; Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 94, 364; Т. 2. СПб., 1892. С. 50; АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 15, 16, 35; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. Вып. 1. СПб., 1895. С. 95. Примеч.; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1932. С. 102 (Труды Историко-Археографического института и Института востоковедения. Вып. 3); ПСРЛ. Т. 14. С. 55; Т. 34. С. 14, 16, 189, 195, 202, 219, 237, 239; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 368, 500, 501, 517, 354; Загородский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 20–23, 60; Сергеев В. И. Источники и пути исследования... С. 35, 52; Разрядная книга 1475–1605 годов. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 179; Ч. 2. М., 1982. С. 233–234; Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 156; Ч. 2. М., 1987. С. 65; Ч. 3. М., 1989. С. 85; ПЛДР. Середина XVI века. С. 310, 318, 326, 334, 344, 348, 352, 376, 384, 404, 464, 466; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция

Стало быть, указание на него в ОЕЛ может являться литературным штампом (опять-таки восходящим к Хронографу⁵⁴). Менее вероятно, что о кочевании где-то в поле бросившего свою столицу Кучума тобольский летописец сообщил, следуя молве. Но едва ли при этом он обращался и к грамоте царя Федора сибирскому «салтану».

Итак, помимо многочисленных литературных произведений, Савва Есипов или создатель протографа его летописи широко использовали воспоминания современников «Сибирского взятия», похода И. Мансурова за «Камень» и окончательного разгрома Кучума, причем не только ветеранов знаменитой казачьей экспедиции, которая привела к крушению еще одного татарского юрта, но и других служилых людей, да и «кучумлян». Эти воспоминания уже покрылись во многом налетом легенды, заняв в повествовании владычного дьяка (если не его анонимного предшественника) место рядом с «вымышленными обстоятельствами» отчаянно-дерзкого «пошествия» «ермаковых казаков» в земли, раскинувшиеся к востоку от Урала. Но заключать, будто свидетельства ветеранов прославленной сибирской экспедиции легли в основу есиповской «гистории»⁵⁵ или отредактированного ее автором какого-то «писания», не приходится, такую роль надлежит отвести нарративному сочинению,⁵⁶ возникшему вслед за «написанием» сподвижников «храброго смлада» атамана, немногочисленный «полк» которого смог в считанные недели разгромить ханство Кучума.

Ермака. С. 177, 178; Дубман Э. Л. Поволжский фронт в середине XVI — XVII вв.: Очерки истории (Юго-Восток Европейской России. Ч. 1). Самара, 2012. С. 87, 88; Трепавлов В. В. Сибирский юрт... С. 15, 38. Ср.: ЛП. С. 169, 174.

⁵⁴ См.: ЛП. С. 366.

⁵⁵ Подчас даже считалось, что ОЕЛ имела «устный архетип» (Очерки русской литературы Сибири. В 2-х томах. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 38). Мнение, будто сибирские летописи основаны на документах, составленных по горячим следам «прямыми участниками» событий, а вовсе не на воспоминаниях ветеранов экспедиции против «кучумлян» (Костанов А. И. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX в. Владивосток, 2007. С. 26. Ср.: С. 61), нужно причислить к домыслам. Учтем также, что в начале второй четверти XVII в. самый ранний из документов архива тобольской приказной избы относился к 1599 г. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 646.

⁵⁶ Это, однако, не С, как часто утверждалось.

В представлении Е. К. Ромодановской, кстати, при архиепископе Нектарии, приехавшем в Тобольск 1 апреля 1636 г., началась «летописная работа» при местном Софийском доме и вместе с тем источником ОЕЛ послужила какая-то краткая летопись («писание») (ЛП. С. 361, 388, и др.). Вопреки мнению той же исследовательницы, именно это произведение, а не ПЛ (Там же. С. 368), мог сократить Есипов, рассказывая, хотя и весьма невнятно, о «создании» будущего «царствующего града» восточной окраины России.